

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

“ВЛАСТИТЕЛИ ДИСКУРСА”

Мне надоели нынешние “властители дискурса”, то есть властители всего информационного и культурного пространства России, уже более двух десятилетий калечащие души миллионов людей. Меняются политические лидеры, меняются задачи власти, но в российской культуре с конца восьмидесятых годов безраздельно командует так называемая “швыдковщина”. Русская национальная культура, кино, поэзия, живопись, музыка и прежде всего телевидение осознанно уродуются и извращаются. Традиционная культура в полном забвении. Но и национальный авангард тоже не приветствуется. Полная западнизация. Пошлая потребительская культура, навязываемая политической и финансовой элитой нашего общества. Прежде всего по телевидению, где почти все каналы отданы царству дичайшей пошлости. Уже нет споров между архаистами и новаторами, между почвенниками и западниками, царит гламур и западный культурный секонд-хенд. На телеэкране осознанно, по заказу сверху демонстрируются лишь насилие, убийства и разврат. Ничего подобного вы никогда не увидите на телеэкранах США или Китая, Японии или Германии, разве что на платных кабельных каналах.

В России меняются власти, за Ельциным приходит один, второй, слова даже говорят о возрождении России, а воз и ныне там. Категорически запрещено поднимать русский народный дух, создавать героические или яркие исторические образы.

Уходят последние могикане великой культурной державы, заменить их не кем, да и никто не позволит. Вместе с великой русской культурой неизбежно уйдёт в никуда и великий русский народ. Не помогут ни ракеты, ни атомные бомбы. Люмпен-народ, лишённый духовности и культуры, с неизбежностью роботизируется, становится бледной копией ведущих народов мира, всё равно – американцев или китайцев, немцев или индусов. Россия, лишённая осознанно своей национальной русской культуры, не имеет будущего. Спрашивается, кто и почему осознанно подавляет русские духовные национальные корни? Обрекая страну на положение сырьевого придатка ведущих стран мира. А фасад занавешивается семантически привлекательным лозунгом: ведущая энергетическая держава. Какие бы слова ни придумывали, суть остаётся прежней: нищая резервация, которой управляет международный капитал.

Некая элитная команда, собранная незнамо кем и незнамо когда, всецело поддерживаемая высшим руководством страны, подпитываемая всеми международными фондами, отслеживает весь наш культурный мейнстрим.

Эта элита резко негодует, когда прорывается, к примеру, Александр Проханов на “Национальном бестселлере” или на телевидении, становятся популярными Захар Прилепин или Герман Садулаев, Всеволод Емелин или Сергей Шаргунов. Когда на телевидение прорывается героический эпос “Тарас Бульба”. О либеральной цензуре писали уже не раз. Казалось бы, с уходом ельцинского времени должно что-то поменяться и на культурном пространстве.

Поразительно, наши президенты один за другим говорят слова о возрождении страны, но культура, с которой и начинается любое возрождение, по-прежнему в цепких руках узкой элитарной группировки швыдковщины. Там и определяют, кого послать на очередную международную книжную ярмарку, кого продвигать в издательства, кого делать очередным кумиром общества. Всё остальное объявляется несуществующим, бездарным или экстремистским. Увы, но обыватель питается тем, что доступно, поэтому, как ни горько это осознавать, но наше время запомнится в большей части именами либеральной клики. Скажем, в современной поэзии разве нет новых ярких имён? Кто сформировал обойму избранных?

Впрочем, я писал уже об этом: давно уже, в шестидесятые годы XX столетия либеральной элитой была навязана всему миру так называемая знаменитая “четвёрка” великих поэтов России: Борис Пастернак, Марина Цветаева, Анна Ахматова и Осип Мандельштам... Несомненно, это замечательные русские поэты XX века. Но так же несомненно и то, что по крайней мере Александр Блок, Сергей Есенин, Владимир Маяковский и Николай Заболоцкий как поэты, как творцы и преобразователи на голову выше этой “знаменитой четвёрки”. Любой объективный независимый исследователь назовёт ещё как минимум три-четыре таких “четвёрки” XX века, от Хлебникова и Клюева до Павла Василюва и Андрея Белого. Зачем же выделять и пропагандировать по всему миру лишь одну обойму, наименее связанную с корневой русской культурой?

Во второй половине XX века этот эксперимент, навязанный “умными прозападными филологами”, повторился. Наши либеральные литературоведы и критики навязали всему миру ещё одну всем известную “четвёрку”: Андрея Вознесенского, Булата Окуджаву, Евгения Евтушенко и Беллу Ахмадулину, естественно, не замечая ни Николая Рубцова, ни Юрия Кузнецова, ни Татьяну Глушкову, ни Глеба Горбовского. Опять же требовались прежде всего бескорневые, наиболее лишённые почвы поэты. Именно поэтому гнали от себя прочь, как поэта, услышанного народом Владимира Высоцкого. Ошиблись власти культурного дискурса лишь в одном, споткнулись о такой камешек, не замеченный ими, как Иосиф Бродский. А тот, уже выросши в свой нобелевский рост, указал всему литературному миру на фальшивую либеральность и хлестаковщину, поэтическую мелкотравчатость Евтушенко и Вознесенского... Может быть, хватит нынешним молодым и талантливым поэтам протискиваться в новые элитарные “четвёрки”? Нет, наша властная элита начинает формировать новых “единственных и незаменимых”: Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Владимир Гандельсман, Елена Шварц...

Поэзию, признаваемую и любимую нашим государственным истеблишментом, министерством культуры и международными комитетами славистов, как бы гоняют по кругу. Во Франкфурт едут, в Варшаву едут, в Лондон едут, во всех фестивалях, на всех встречах присутствуют, во всех современных учебниках о литературе конца XX века торчат одни и те же имена. От Гандельсмана до Салимона, от Шварц до Гандлевского. С десяток, не более. Жалко их, загнанных, не успевают чмоданы упаковывать. Но это же всё – манекены поэзии, ярко раскрашенные манекены, специально для западных славистов. Даже у кого и была искра таланта, давно погасла на мировом ветру, у кого и была душа поэта – зачахла на мощном сквозняке мировых тусовок.

Возьмём круг повыше, посерьёзнее, позначимее, тот круг, о котором недавно говорил председатель комитета по Пушкинским премиям Игорь Шкляревский. Мол, как справедливо они распределяют премии... Что ни говори, достойные поэты: Александр Кушнер, Евгений Рейн, Олег Чухонцев... И опять дальше жирная точка. И опять обойма загнанных поэтов, до десятка, не более. Игорь, дорогой, а куда же все другие подевались? Ни тебе уже покойных, но недавно ещё активно действовавших Юрия Кузнецова, Татьяны Глушковой и Николая Тряпкина, ни тебе и сегодня активно пишущих Глеба Горбовского, Геннадия Ступина, Вячеслава Куприянова, Татьяны Ребровой и Алексея Шорохова. Неужели их так не уважает Игорь Шкляревский? Не поверю. Но нет же в постоянно действующей поэтической тусовке имён яростной и категоричной Юнны Мориц, нет узорчатого ориенталиста Тимура Зульф리카рова, нет Новеллы Матвеевой. Выделен такой узкий, привычный, либеральной политической верхушкой отобранный круг избранных режимом. Как в своё время избрали в придворную элиту прекрасного поэта Николая Тихонова, покрутили его, он и закончился как поэт.

Все, кто пытается бороться с навязываемой пошлостью, объявляется варваром, доносчиком или же “культурно невменяемым”. Стоило умному питерскому критику Виктору Топорову резко высказаться о пошлости пропагандируемого везде Владимира Гандельсмана, он был объявлен этой либерально-государственной элитой неприкасаемым. Ещё бы, живущему уже 18 лет в США поэту дают премию, как русскому патриоту, за гнуснейшие стихи о России. За издёвку над собственной родиной. И жил бы себе в США, писал бы что угодно, зачем со своими пошлыми и гнусными русофобскими стихами лезет сюда к нам? За признанием и премиями? Но послушайте, что пишет этот “выдающийся русский поэт-лауреат”, которого награждают члены президентского совета по премиям. Изначально возмущившая Топорова пакость звучала так: **“Мы живём в стране, где ничего не происходит. Где благая мысль всегда остается недодуманной, потому что (или – поэтому) не пресуществляется в действие. Мы живём, как арестанты, которые ходят по кругу. Мы живём в стране, где у власти ФСБ, наследники тех, кто “расстреливал несчастных по темницам”, и хоть бы что – мы живём, ни шага в сторону. Шаг в сторону – расстрел. Мы это отчётливо усвоили. Мы ведь дети родителей, которые в своём доме разговаривали шёпотом, которые вымарывали фамилии “вредителей” – кто не помнит этих чёрных полосок в книгах? Мы дети страха, и от яблони упали недалеко. Зато низко”**.

Так что же творят наши культурные власти? С ведома президента страны! Послушайте, как звучит объявление о награждении: “В Большом Петровском зале “Президент-Отеля” в Москве состоялась IV торжественная Церемония награждения лауреатов международного литературного конкурса “Русская премия”, официальным партнёром которого является Фонд Ельцина. Победителем в номинации “Поэзия” жюри во главе с Сергеем Чуприниным, главным редактором журнала “Знамя”, назвало Бахыта Кенжеева (**Канада**) за книгу стихотворений “Крепостной остывающих мест”. Диплом второй степени получил Владимир Гандельсман (**США**) за книгу стихов “Ода одуванчику”. Третье место – у Сергея Морейно (**Латвия**) за книгу стихов и переводов. . .” На приёме в “Президент-Отеле” присутствовало множество правительственных чиновников самого высокого ранга. Они что: не знали, кому давали? Или у нас в Кремле сейчас тоже живут одни “дети страха”? И на самом деле, не Личутину же с Куняевым русскую премию давать.

Виктор Топоров, отнюдь не крутой патриот, пишет: “Пóшло в голове и в сердце у, да простится мне этот эвфемизм, поэта. Поэта-лауреата. Поэта-лауреата, вы будете смеяться, Русской премии! Серебряную медаль (второе место) за 2008 год! Воистину . . . Всемирно отзывчиво?”

Пошлость этическая и пошлость эстетическая ходят, как правило, парой, как шерочка с машерочкой.

Вот писать такие стихи (и такую публицистику) – это пошло, пошлей некуда, – а присуждать за них премию, причём, как на смех, Русскую премию, – это как?

Всемирно отзывчиво? Вот и Русскую премию присудили Гандельсману не за пошлую русофобию, а за столь же пошлую “Оду одуванчику”. “Ода одуванчику” – каково!

На следующий год жюри “Русской премии” и курирующий премию Фонд Бориса Ельцина, должно быть, перезагружаются – и в обязательном порядке исправят роковую промашку. Флаг им в руки! . . .”

А в ответ Топорову со страниц нашей российской проправительственной печати несётся: “Во-первых, можно было бы упомянуть известный текст В. Топорова о В. Гандельсмане, но комментирование публичных доносов не входит в задачу этой колонки. . .” Почему наши чиновники с царских времён, с советских времён так пресмыкаются перед волей Запада? Их же самих потом высмеивают, над ними же издеваются эти же либеральные божки и Запада и России.

Занесли нынче Виктора Топорова в самый чёрный список, чернее не найдёшь. Будем теперь вместе держать оборону. Впрочем, а когда на приёме в Париже в честь книжной международной выставки Владимир Путин обнимался с Виктором Ерофеевым, этим, думаю, наш премьер подчёркивал любовь к похождениям автора романа “Век п-зды”? Это его любимая книга? Дочкам по утрам читает? Или чиновники по культуре не предупредили, с каким автором обнимается?

Я лично не против ни Виктора Ерофеева, ни Владимира Гандельсмана, пусть себе пишут и печатаются. Но когда один из них становится официальным куратором международной книжной выставки от России, а второй получает вторую Русскую премию, с этим я категорически не согласен.

Скажем, когда я пытаюсь расширить пространство русской литературы за счёт талантливых новых почвенников, за счёт державных авангардистов и так далее, с разных сторон на меня начинаются атаки либеральной клики. Уже само введение в оборот ведущих писателей и поэтов патриотического направления вызывает у ведущих обозревателей либеральной прессы приступ бешенства. К примеру, некто Глеб Морев в "OPENSPACE.RU" пишет: "Подробно обсуждать список Бондаренко ("50 ведущих, наиболее талантливых русских поэтов XX века") нужды нет: в нём отсутствуют Кузмин, Ходасевич и Введенский, зато есть К. Р., Исаковский и Станислав Куняев. Ясно – человек культурно невменяем. Попробуем разобраться с природой этой невменяемости..." Да и мне интересно, какого литератора или критика можно назвать "культурно невменяемым человеком". Нечто дикарское, варварское, пещерное... "В представлении отечественного "патриота" русские, как известно, социально эксплуатируемый и этнически униженный этнокласс. Соответственно, "патриот"-литератор унижен не только этнически, но и культурно, и в основе его собственной культурной деятельности лежит компенсаторный механизм – стремление уечь обидчиков, властителей дискурса, т. е., правильно, либералов. Списки, подобные "Списку пятидесяти", составляются не просто так, а в противовес либеральной истории литературы..."

И пусть в этом списке будут Мандельштам с Пастернаком, Цветаева с Ахматовой, но если в противовес, а скорее, в дополнение к "властителям культурного дискурса" мною добавляются Павел Васильев и Сергей Клычков, Николай Тряпкин и Татьяна Глушкова, значит, я объявляюсь "культурно невменяемым". Лихо закручено. Я вспомнил пример из статьи критика Игоря Манцова об известном мастере андеграунда Энди Уорхоло: "Между прочим, нью-йоркская вольница, пережитая и описанная Уорхолом, заставила вспомнить труды знаменитого математика и публициста перестроечной поры Игоря Шафаревича. Нечто про "малый народ", который хитроумно навязывает свою волю, свою этику с эстетикой народу большому и доверчивому. Это уже Энди Уорхол считает: "Мама дорогая, получается, левоеврейские гомосексуальные порнографисты везде?.."

И не только они! С чувством глубокого удовлетворения воспринял тот факт, что понятие "**грамотные**", которое, казалось, я вызвал из небытия и которое пытаюсь здесь укоренить, старше меня самого..." Игорь Манцов приводит слова известного американского социолога Петера Бергера: "Средних лет профессора, особенно философы, и особенно в наших более старых университетах, создали специализированные монополии в использовании языка, для того чтобы защитить свой элитный статус как грамотных..." Далее он пишет об Уорхоло: "Уорхол симпатичен мне потому, что он отстаивает право маленького массового человека на достоинство. Он против "специализированных монополий", против возомнивших о себе жрецов, против барства..."

Получил известность Захар Прилепин, и сразу на него "ату" со всех сторон: "культурно невменяемый". Получил неожиданно премию Василия Кандинского русский художник, державный авангардист А. Беляев-Гинтовт, сразу визг всех элитных шавок. Дали ещё одну премию Михаилу Елизарову, и сразу же либеральная гранддама Наталья Иванова вспомнила все грехи русских патриотов: "Корни происшедшего – в отличие от поверхностных, явных смыслов – находятся на исторической глубине. Там, где роет носом трэшевую землю соцреализма вышеупомянутый букеровский лауреат (вымышленно-обобщённое литнаследие выдуманного советского писателя Громова, 1910–1981). Корни в том восторге, с которым советская аэропортовская интеллигенция бросала в воздух свои либеральные чепчики при появлении первых ароматов деревенской прозы. Будь проще, и к тебе потянутся, – нет, будь грубее, наступай, желательно сапогом, на большое место, и тебя приветят. И даже ахнут. Сначала будет немножко больно, зато потом – приятно. Таким манером открывались дубовые аэропортовские двери для "деревенщиков", – Иванова переживает: – Сколько сделал столичный критик, либеральствующий редактор обоих полов, но особенно женского, для прозаиков из провинции, не поддаётся учёту. Здесь было всё: от помощи литературной до

поддержки житейской. Аэропорт страстно полюбил деревню, искупая свою столичную “вину”, — то есть реализуя комплексы. Всё, что пришло “оттуда”, казалось уникальным и особенным, — здесь, правда, аэропортовская интеллигенция удивительным (но весьма ожидаемым) мазохистским образом совпала с партией и правительством, известно чего требовавшим как явно, так и тайно: 1) народности и 2) “национальности”. А “деревенщики” шли вроде бы поперёк, являли собою своего рода оппозицию — но в рамках, в рамках. И доблестные либералы их пробивали и печатали. “Деревенщики” разные бывали — и не всегда платили аэропорту любовью за любовь. Скорее наоборот — откройте их тексты начала “перестройки и гласности”, когда выплеснулось в печать всё накопившееся и неприязненное.

... Как говорится в плохой советской прозе, шли годы. И вот уже в новом времени (“деревенщики” позади; Распутин, подбросивший депутатам идею независимости России, отстал от жизни и теперь не в счёт; Лимонов, отсидевший, но всё ещё энергичный “борец с режимом”, примелькался) имя найдено: **Захар Прилепин**. Включишь уют — и там Захар Прилепин. И с нескрываемым умилением смотрят на Захара Прилепина — из этого самого уюта — **Татьяна Толстая и Дуня Смирнова**. И другой канал, и пятый, и десятый. Почему? Проза весьма уступает коллегам по оружию, не только по слову. Дело в брутальной энергии, в брутальности имиджа, то есть опять-таки в сапогах, а не в текстах, вполне средних. При этом у меня нет претензий к самому герою, к Захару Прилепину, который сочиняет свои не очень затейливые тексты. Но вот вечный аэропорт с его восхищением мужицким запахом пота и скрипом кожи — вызывает ощущение дежавю. Уже и того аэропорта давно нет, и квартиры писательские пораспроданы, и внучки занялись, слава богу, делом, а не словесностью, — а синдром всё тот же... И вот теперь — Елизаров. Надо было, конечно, чтобы он предварительно Пастернака опустил в навозную жижу (см. роман “Pasternak”): ну не нравится ему Пастернак. И те, которым Пастернак (условный) важен и необходим, — тоже не нравятся. Можно плюнуть — аэропорт утрётся. (Так, как трусливо утирались русские буржуа — после визитов революционных матросов.) Лучше заявиться так, с “ненавистью к буржуям”. И кинуть им. В лицо. Облитый... А ведь все “проходили”: и жёлтую кофту, и любовь яровую, и оптимистическую трагедию, и кремлёвские куранты. И бурлюков с крученыхами. И каждый раз — визг удовольствия от щекотки: пролетарской, антибуржуазной, антилиберальной. Контркультурной...”

Мол, только начнёшь им (вахлакам пещерным, мужикам навозным, культурно невменяемым) помогать, они тебя же и сапогом. Такой откровенный призыв — властители дискурса, вы уж не вздумайте вновь русскую национальную литературу поднимать, без них обойдёмся...

Думаю, и в сталинские годы кто-то давал Ермиловым и Кирпотиным право определять степень литературности, отодвигая подальше Андрея Платонова и Михаила Булгакова, и в брежневские годы при всём расширении литературного пространства стояли кураторы, свои “властители дискурса”, свои Суворовы и Озеровы, все из той же либеральной стаи. Парадоксально, что даже в диссидентской среде были свои строгие жрецы, определявшие, кого пущать, кого не пущать, о чём хорошо написал Всеволод Некрасов.

Но в те времена, как ни парадоксально, у каждого круга было своё литературное поле, и внутри Советского Союза, и вне его, с различными “Континентами”, “Гранями”, “Синтаксисами” и “Вече”...

После начала перестройки либеральный террор объединился с государственным, официальным культурным прессингом русской национальной литературы. Национальную литературу откровенно загоняли в гетто, в некую резервацию, оставив ей малую толику (процентов пять) от издательских программ. Всё остальное смело подчинили глобализации, ломая хребты и позвончики русским литературным традициям. В самом Кремле с ельцинских времён и до сего дня царит “жажда Запада”. Мазохисты дают премии Гандельсману и рекламируют по всему миру Владимира Сорокина.

Никогда не поверю, что это сами по себе натальи ивановы, чупринины, дмитрии быковы, глебы моревы, латынины и прочие гандельсманы овладели всем российским культурным пространством, определяя в большей степени литературный мейнстрим страны. А если бы литературные делегации за рубеж формировал, к примеру, Вадим Кожинов или Валентин Распутин, если бы литературные премии определяли Станислав Куняев и Александр Проханов,

если бы издательские планы утверждали Савва Ямщиков и Николай Губенко, думаю, и расстановка писательских имён была бы нынче совсем иная. Так что все эти слова о первенстве талантливых западников ничего не стоят. Но какая литература, какова культура, таково и общество. Значит, и Путина с Медведевым вполне устраивают нынешние “властители дискурса”.

Прекрасный турецкий писатель, недавно посетивший Москву, Орхан Памук пишет: **“А насчёт “жажды Запада” я скажу, что это отнюдь не одним туркам свойственное чувство. У людей во многих странах есть ощущение, что всё, что в мире происходит, происходит только в Америке и в некоторых европейских государствах. Я, например, приезжаю в Китай – мне говорят: вот вы стали знаменитым, как же вы, писатель, пишущий по-турецки, этого добились? Приезжаю в Корею – все жалуется, что никто в мире ничего не знает о корейской литературе, тоже спрашивают: как это вам удалось, господин Памук?”**

Я своё собственное везение считаю чудом. В мире доминируют Америка и Западная Европа – и в мире литературы тоже. Поэтому выходит, что опыт других народов не оказывается в полной мере разделённым человечеством. Мы читаем американских писателей, которые пишут об американцах. Девяносто процентов человечества знает, что история делается где-то там, где их нет, что они из этого процесса исключены. Я об этом много писал – в “Снеге”, отчасти в “Стамбуле”...

Памук абсолютно прав. Значит, кто-то счёл наш русский литературный опыт ненужным и неинтересным для человечества. И поразительно, что в экономике всё меняется, дискурс определяют совсем другие люди, нации и государства, а в культуре всё остаётся по-прежнему. Но с неизбежностью должны появиться новые мировые культурные центры, среди них – Россия. Вектор мирового культурного интереса меняет направление. Наконец-то. Но это упорно не хотят понимать наши нынешние властители, вся господствующая элита России, ориентированная исключительно на Запад.

К примеру, прочитайте, кто ведёт культурные колонки в популярном интернетном журнале “Openrspace.ru”: Михаил Айзенберг, Наталья Иванова, Елена Фанайлова, Илья Кукулин, Ксения Рождественская... Яростные либералы, восхваляющие лишь западный образ жизни. Уберут их, придут другие такие же. Кто-то готовит кадры, кто-то поставляет кандидатуры. Такое царит практически во всех заметных популярных изданиях. Вы можете представить, чтобы в тележурнале или интернет-журнале появились Владимир Личутин, Пётр Краснов, Станислав Куняев, Леонид Бородин, Юрий Павлов и так далее... **Как нагло пишет тот же Дмитрий Быков: “Я её чувствую своей. Это не страна Александра Казинцева и Владимира Бондаренко, они сюда пришли, как варяжское племя, – напали на добрый и кроткий, безответный народ и стали княжить по своим бесчеловечным северным законам. Вот их я не люблю, это не их страна, и они не имеют на неё права, это моя страна”.** То есть русские – завоеватели, которых пора выгнать вон с хазарской территории, так что ли?

Пока страной руководит элита разрушителей, она никогда не допустит к информационным каналам ничего созидательного. Все эти ивановы и айзенберги, гандельсманы и чупринины – лишь шестёрки, марионетки в руках более высших шестёрок, типа Швыдкого и Сеславинского. Но и те вполне заменяемы, и на место швыдких найдут подобных. Пока высшие силы в государстве нацелены на истребление интеллектуального ресурса страны, всеми Министерствами Правды будут заведовать необходимые люди.

Павел Крусанов в своём новом романе “Мёртвый язык” пишет: “Не уподобляйтесь этой бесхребетной дряни. Идите сквозь жизнь, расталкивая лужи и не оглядываясь на раздавленных выползков. И не впадайте в публицистику, берегите слова для дела, ведь публицистика – обратный полюс наркомании. Одни галлюцинируют внутри себя, другие – снаружи. Переступив определённую черту, и те и другие перестают адекватно воспринимать окружающий мир...” Нам предлагается читать “Мёртвый язык” всерьёз, как роман идей, и полемизировать с ним. Питерцам надоела мёртвая, навязываемая сверху и сбоку, со всех сторон властителями дискурса литература. Но так ли всесильны эти властители дискурса?

Критик из прислуживающего сектора Варвара Бабицкая пишет: “Причина священной войны, которую всерьёз ведут петербургские литераторы (в лице

Крусанова и, скажем, Андрея Аствацатурова) с “мелкими соросами”, затерялась в веках, но тема, на удивление, не теряет своей актуальности. . .”

Да не затерялась эта причина священной войны подлинной русской литературы со своими заменителями в веках. Налицо она. У власти, во всех экранах телевизоров.

К примеру, скажите, почему на разных телеканалах в разное время, но о литературе ведут передачи исключительно одни приближённые лица властителей дискурса? Виктор Ерофеев, Александр Архангельский, Николай Александров, Сергей Минаев, Александр Шаталов и так далее. Даже вполне умеренным Юрию Полякову и Сергею Есину никак не пробиться к телеэкрану? А вот Кашпировский с его одурачиванием масс опять при деле. Вроде бы командуют разными телеканалами разные люди, а “властители дискурса” одни и те же. Никак без сталинской решительности не обойтись. А откуда она возьмётся?

Самый наглядный пример с наиболее пошлым писателем Сергеем Минаевым. Пригласили их на пару с Захаром Прилепиным на поединок в ещё существовавшую передачу Владимира Соловьёва на четвёртый канал. Разбил Минаева по всем пунктам Захар Прилепин, заставил выявить свою откровенную ставку на потребительский интерес. Да и серьёзные критики разных направлений к прозе того же Минаева относились похуже, чем к Оксане Робски. И вдруг именно Сергея Минаева с его заявленной пошлостью приглашают на тот же четвёртый канал вести важнейшую общественно-политическую передачу, к тому же и называемую с издёвкой “Честный понедельник”. Вот это и есть лицо нашей власти.

Почему-то все эти властители дискурса любят хамить прямо в лицо народу, увы, тот в ответ молчит. До поры до времени. То назовут передачу “Поле чудес”, подразумевая, что, как известно, это поле чудес находится в стране дураков. То – “Честный понедельник”. Но список допущенных к элите из той же писательской среды всегда резко ограничен.

Вот ещё пример с другой стороны – писатель Александр Потёмкин, вполне обеспеченный бизнесмен. Если бы он согласился играть по правилам “властителей дискурса”, обратился бы к ним за помощью, финансировал бы их программы, то, как минимум, место Дмитрия Липскерова или Ирины Прохоровой из “НЛО” было бы ему гарантировано. Ему помешала независимость. Он всё делает сам, для своих книг создал своё издательство, для продажи книг организовал свою сеть агентов.

И дело даже не в протестном содержании его романов, в неправильном поведении. О чём искренне написал в “Знамени” Сергей Чупринин, мол, если бы обратился, к кому надо, то и включили бы в свои ряды, как того же Липскерова.

Помню, когда-то Владимир Маканин мне сказал по поводу засуетившихся в начале перестройки Граниных и Рыбаковых, мол, Володя, это всё идут колонной заменители Солженицына, пока ещё место самого Солженицына на отечественном пространстве было пустое. Так и в нынешней культуре царит эрзац, блатота, как писал об этом недавно ушедший от нас Всеволод Некрасов.

Говоря о так называемых “властителях культурного дискурса”, определяющих всё развитие нашей культуры, её гениев и её лидеров, я не выбираю ни национальный фактор (тут всё перемешано), ни стилистику и эстетику того или иного направления. Это не борьба консерваторов с новаторами, почвенников с авангардистами. Все независимые, неподконтрольные в России нынче не в чести. Что лидер андеграунда Всеволод Некрасов, что хранитель древностей Савва Ямщиков – одинаково. И в своём неприятии коды, управляющей всей культурой, блатоты и пошляков они были едины – Всеволод Некрасов и Савва Ямщиков. Всеволод Некрасов ещё в восьмидесятые годы предчувствовал нашествие, проникновение блатных ребятишек в искусство, опошление и классики, и авангарда. Такая блатная “. . . наука естественно стала первым и необходимым инструментом блатных делишек. Чем 20 лет назад только грозила. Хоть и отчётливо. В своё время. . . А дальше пошло время уже другое, и становилось оно временем делишек эпштейнов. . .” Не хватало нам жёсткости ни тогда, ни теперь, и авангардист и концептуалист Всеволод Некрасов был куда более принципиален, чем иные традиционалисты. “Это сейчас жучок банальный раздулся в нечто хичкоковское, собрал собратьев и норовит править новым авангардным русским искусством из университетов Соединённых Штатов Аме-

рики. . .” У нас со Всеволодом были и споры, и противостояния, но никогда мы не принимали этих правителей от искусства, во все времена одних и тех же. . . Это в искусство могут спорить Всеволод Емелин и Капитолина Кокшенёва, но что авангардным, что традиционным искусством в России заправляют одни и те же властители дискурса. Очень уж засело в мозгах властителей, что от каких-то стишков и рассказиков, от картинок и мелодий, как правило (помня смутно русскую историю), зависит будущее страны. Если хочешь им управлять, то прежде обороны и экономики, прежде политики и торговли властитель должен контролировать идеи в обществе, а значит, культуру общества. Если хочешь переформатировать сознание нации, ликвидировать нацию как таковую, надо прежде всего уничтожить любую национальную культуру, и традиционную, и авангардную. Всеволод Некрасов писал: “Задачи призван решать стал М. Эпштейн, нетвёрдый явно и в простом-то счёте. Все сбивавшийся на свой бок. . . И оттого уходивший-таки в масштабность, но явно криво. Сразу по той дорожке, которая и вела и привела к нынешнему криминалу, коррупции, всей Деготи-пригоде, нежити и смерти. Смерти искусства, Смерти автора и т. п. блатной музыке. Да, увы. Блатная практика охотно понимает себя и действует как национальная солидарность, только не возглашая этого в открытую. Во всяком случае, до случая. Что-таки не радуется. Очевидно, не радуется это и В. Г. Бондаренко. . .” Вот мы и оказались перед смертью основоположника русского концептуализма прямыми единомышленниками.

Один из кураторов либерального дискурса Наталья Иванова пишет: “Современный писатель – всё больше “о стране и народе” и всё меньше о тексте, о слове. От модных и высоколбых до массовых и народных, от просто реаллистов до реалистов новых, размахивающих этим термином, борющихся за приоритет: кто сказал первый? Но первый или последний – неважно. Пренебрегающий возможностями и более того – обязанностями”. При этом она грозно показывает пальчиком молодым писателям, продолжающим традиции русской национальной литературы: “Упущенная выгода – экономический термин. Прибавим его для наглядности к умозрительной поэтике современной русской прозы. Упущенная выгода точно поставленной литературной цели. . .” Мол, пишете “о стране и народе”, не видать вам Парижской и Лондонской, не видать престижных издательств и переводов на западные языки. Там всё схвачено “умными людьми”. Не упускайте своей выгоды, и мы поможем вам достичь поставленной литературной цели. . .

Новая буржуазная элита, респектабельная и всемогущая, что в Америке, что в России, всегда стремится держать под контролем художника, дабы не случилась новая революция, не взбунтовались массы. В новом рыночном искусстве командует тот же инстинкт потребления. Всё остальное – вон.

Энди Уорхол вспоминал: “Я увидел, как Марк Ротко отвёл хозяйку в сторону и, глядя в нашу сторону, обвинил её в предательстве: – Как ты могла впустить этих? – Я огляделся и понял, что вокруг полным-полно скользких и нудных интеллектуалов”. Игорь Манцов добавляет: “Как мы могли впустить этих?!” – неизменный стон всемирного барского интернационала. С некоторых пор не бульжник, но банка консервированного томатного супа – и оружие, и пароль мирового пролетариата. . .”

Для меня всегда оставалось мистикой, почему всё наше чиновничество и в советские годы, и особенно в сегодняшнее время так безоговорочно подчиняется этим “властителям дискурса”. Большинство чиновников в силу обычных демографических причин вышли родом из деревень и посёлков. Из заводских окраин и военных городков. Почему они дружно отрицают свои же национальные обычаи, свои песни и танцы, своих поэтов и писателей? Что с неистребимой силой влечёт их к прозападным барским интеллектуалам?

Всё тот же Игорь Манцов пишет: “В России же борьба за, прости господи, символический капитал ведётся слишком бескомпромиссно: доминирующая на данный момент социальная группа стремится унижить противника до крайности, стереть саму память о нём и его бесспорных достижениях. Так было при Советах, так было в перестройку, так и сейчас”. Вот поэтому, к примеру, являюсь я для Глеба Морева “культурно невменяемым человеком”. И пишет смело стрекочущий вовсю Дмитрий Быков, не боясь уронить себя в глаза общества: “*Что сетовать на то, что Проханов, Белов или Юрий Кузнецов находятся вне современного литературного процесса? Они отсутствуют в нём не потому, что их замалчивают. Они выбракованы не современниками,*

но самой историей, самой эстетикой, если угодно...” Вот так – идеологи государства объявят “вне литературного процесса” Достоевского или Шолохова, и их как бы и не существует. И команда Быковых резво подтвердит, дескать, их тут и не стояло. Совсем уж мерзко: “Нет никакой нужды приращивать к русской литературе то, что отрублено никак не демократами и не жидами, а самим ходом литературного процесса...” Отрублены все – Белов и Распутин (чего только с ним Путин на Байкале встречался?), Проханов и Кузнецов, Бородин и Куняев... Самой жизнью, самой историей. А они всё никак этого не поймут и писать продолжают. И племя молодое подрастает.

Александр Проханов, Василий Белов и Юрий Кузнецов обойдутся, к счастью, и без быковых. Но в нашем государстве сегодня официально перекрыта дорога всем молодым национально мыслящим и независимо пишущим литераторам. Кто из них сопьётся, кто забросит это безнадежное дело, самых упорных и уничтожат, как Юрия Петухова, но без молодой национальной русской литературы и культуры не будет ни мощной обороны, ни мощной промышленности, ни самого государства. За что лезть под пули молодому солдату, если нет никаких идей в голове? Разве что за деньги?..

Разве случайно государство в трудные минуты обращалось к монументальной пропаганде? И где государи найдут поддержку? Лишь среди творцов русской национальной культуры. С сожалением признает тот же Дмитрий Быков: “Сегодня все мы присутствуем при возвращении в культурное поле (то есть, надо полагать, в то поле, где дают литературные и кинематографические премии) Проханова, Белова и Бондаренко, Бурляева и Бондарчук... То есть их, конечно, и не запрещал никто. У них есть свой союз писателей, свой кинофестиваль “Золотой витязь”, свои здания и издания. Но, видимо, надо начать писать на них рецензии, выдвигать на поощрения, брать интервью, приглашать в телевизор... Потому что в так называемом западническом (или, как иные выражаются, постмодернистском) лагере не осталось никаких ярких талантов. Выродились абсолютно...”

Надо же, им и подпитка со всего мира, и поддержка государственная неприкрытая идёт, а они вырождаются. Продолжает Дмитрий Быков: “Публика из патриотического стана, как все люди очень сильно в чём-нибудь убеждённые, обладает столь необходимой для творчества “энергией заблуждения”. Правда, сама эта энергия ещё не обеспечивает творчества, но очень способствует его имитации. Люди, у которых есть колоссальная Идея, всегда энергичнее людей, которым приходится обходиться своими силами...”

Предлагаешь им помощь, указываешь на наиболее талантливых мастеров, не замеченных с Запада, ибо солнце-то светит с востока, а они в ответ всё о “культурной невменяемости” или же, как тот же Дмитрий Быков – о кондовости, которая прорывается сквозь любые масштабные замыслы. Он и замыслы почвенников признает, но и о кондовости напомним: “Конечно, никто не сделал для прохановско-бондаренковского торжества больше, чем отечественные постмодернисты, чем котельный авангард, протухший ещё в семидесятые, чем засилье масскульта... Думаю, такие шедевры, как последние работы Виктора Ерофеева, Дм. Пригова или Вл. Тучкова, сделали для легитимизации почвенничества больше, чем любой Бондаренко.

Бондаренко, кстати, активно пытается “наводить мосты”. То есть он бывает на антибукеровских обедах, съездил на нацбестселлер (о котором написал совершенно хамскую, по обыкновению, статью) и вообще играет в снисходительного победителя. Сдайтесь, и не убьём. Даже признаем кое-кого из ваших кумиров. Ахмадулину там... Как ни горько, в его книге “Дети тридцать седьмого года” наблюдается всё та же, очень типичная для почвенничества, помесь навоза и елеса: поверхностно усвоенные приличные манеры, отставляемый мизинец, пэнснэ – и при всём этом кондовость, которой не спрячешь...”

Так я же и не прячу свою русскую кондовость. Так же как Проханов не прячет свою, по мнению Быкова, “пещерную мощь”. В этом и сила нашей Державы, так же как китайской, японской, индийской – в своей национальной самобытности, “кондовости”, которую, кстати, не скрывает Орхан Памук...

А мельтешат все эти Моревы и Быковы от природы своей мельтешачьей. Как пишет тот же Всеволод Некрасов: “Заговор бездари же всегда есть. Собственно, это та же коррупция. Есть же выражения: латентная коррупция, потенциальная коррупция... Так же и с блатными делишками в искусстве-литературе. Тут дело не так в умысле тех или иных отдельных персон, как в их

позиции и в векторе интересов-повязанностей, когда он, увы, позиции эти и определяет; хотя в нашем деле весь смысл дела в том, чтоб определяло что-то другое. Не в хитрых умыслах дело, а в блатных инстинктах, которые формируют и вкусы. . . ”

Продолжает ту же тему шустрый Лев Данилкин: “У Бондаренко дурной вкус — но этот дурной вкус служит ему хорошую службу: он позволяет ему вовлекать в культуру объекты, которые критика с отшлифованным представлением о каноне не замечает, а это любопытные штуковины. Глушкова, Куняев, странный Бродский — автор гениальной любовной лирики. Конечно, о Бродском и Лимонове лучше читать Жолковского — но поскольку Жолковский молчит о Глушковой, Куняеве и Шпаликове, то, получается, в культуре их сохранил вахлак Бондаренко, похожий на героя Быкова в “Служили два товарища”.

Блатота правит бал. Но за этой блатотой напрямую стоит потребительское, сырьевое государство, не заинтересованное в национальной культуре. Приведу ещё цитату беспощадного Некрасова: “Словно режим отыгрывался в искусстве-литературе за свои сердечные скрипения, уступки в иных областях. В силу, в сущности, глубоко наплевательского к этим литературе-искусству своего отношения — действительно — не видел режим, что ли, цену евшушкам-минкиным-рассадиным и всем корытичам, которых сам плодил беспощадно. . . Чтоб они-то и были тут лит-ра-иск-во: согласно его, режима, намерениям. . . ” К этому и добавить нечего.

Но сегодня, чтобы выжить, в подполье ли новом, в оппозиционных кружках, в союзах различных писателей, необходимо вновь вернуться с неизбежностью уже к советскому опыту. Не случайно же так изменился Александр Солженицын и написал свой рассказ “На изломах”. Не случайны протесты Всеволода Некрасова и Ильи Кормильцева. Я согласен с позицией Игоря Манцова: как ни относиться к советскому замыслу, а иного у нас, в противостоянии всё растущей пошлости — нет.

“Это происходит потому, что Советская власть противопоставляла себя Западу и настаивала: “Я — сама!” Постсоветское подражательство как такое — это и не хорошо, и не плохо. Однако Запад моментально опознаёт подержанный дискорн, вцепляется в глотку, изысканно опускает и тутошнюю историю, и тутошнюю элиту. Элита нервничает, злится, вспоминает о самостоятельности, взыскует достоинства. Но наша единственная “территория самостоятельности”, пускай проблемная, — это территория, на которой осуществлялся советский проект. . . ”

Я бы добавил: обогащённый православной идеей. Идея христианского социализма — это и есть наше культурное будущее. Иного быть не может. Иное — хуже.

Если я стараюсь разглядеть не только в узком кругу единомышленников, но и в самых неожиданных ярких произведениях представителей самых разных течений и направлений движение народа, поиски национального героя, это не фантастический вымысел. Никто не знает, из какого сора иной раз растут не только стихи, но и русские национальные таланты. Путь Владимира Маяковского от стихов “Люблю смотреть, как умирают дети. . . ” до державных дерзких национальных произведений тому пример. Величие русской литературы не только в поддержке национальных традиций, но и в дерзновенных открытиях. Я стараюсь сочетать в себе так называемую кондовость русской православной культуры и открытость, всечеловечность по отношению к наиболее ценному в мировой культуре.

К счастью, властители дискурса не способны покрыть всё культурное пространство. Есть мощный православный канал с крепкими русскими батюшками по всей Руси. Есть интернет, который активно осваивается молодой порослью русской национальной культуры, тем же Всеволодом Емелиным и его друзьями. Есть массовая культура, массовая литература (детективы и фэнтези), как правило, отчётливо патриотическая, от Бушкова до Пронина. Есть независимая ни от кого русская рок-музыка, тоже откровенно патриотического настроения. Вспомним Егора Летова или Костю Кинчева. Есть, хоть и немногочисленная, патриотическая печать, литературные издания, от “Литературной газеты” до “Нашего современника”. Из какого гнезда выпорхнут птенцы новой России, сказать сложно. Но они выпорхнут и станут новыми гениями русской национальной культуры.

Думаю, такова была и будет наша стержневая русская словесность. Поднимайтесь, ребята, на Олимп. Иного вам уже не дано.